

Д.П. ИСАЕВ, О.Ю. ПОСУХОВА

«Я ТОЧНО НЕ БУДУ ЗАНИМАТЬСЯ НАУЧНОЙ РАБОТОЙ...», или ОСОБЕННОСТИ ТРАНСМИССИИ СТАТУСА В НАУЧНЫХ ДИНАСТИЯХ В РОССИИ

ИСАЕВ Дмитрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории средних веков и нового времени Института истории и международных отношений (disaew@mail.ru); ПОСУХОВА Оксана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения (belloks@yandex.ru). Оба – Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Аннотация. Рассматривается проблема ценностных ориентаций в научных династиях России XX в. Избран междисциплинарный историко-социологический и антропологический ракурс, ориентированный на социально-исторический подход к изучению проблемы межпоколенческого взаимодействия. Отталкиваясь от разработанной классификации моделей трансмиссии статуса в профессиональных династиях, авторы выявляют особенности выбора вариантов преемственности членами династий в указанный период. Анализ интервью с представителями научных династий, проведенных в 2020 г., позволил сделать следующие наблюдения. Реформенный дух 1950–1960-х гг. соотносится с моделью активной преемственности. Переход к консервативной модели политического и экономического развития страны в так называемый брежневский период, эволюция образа ученого как массового научного работника приводят к распространению пассивной модели профессионального наследования. Однако следует учитывать и внутренние закономерности усвоения профессиональных практик в семьях ученых. В условиях социально-политических и экономических трансформаций в России 1990-х гг. последующие поколения («X» и «Y») демонстрируют полный набор моделей трансмиссии профессионального статуса: активную, пассивную модели и транспрофессиональную мобильность. В условиях «разгерметизации» научного сообщества оказались возможными гибридные модели трансмиссии, характеризующиеся частичным возвратом к базисным научным ценностям, обогащенным актуализацией субъективного жизненного опыта.

Ключевые слова: поколение • генерационные исследования • научная династия • профессиональная династия • трансмиссия статуса • научная повседневность • социальный капитал • преемственность

DOI: 10.31857/S0132162524100093

Введение. В современной интеллектуальной ситуации профессиональная династия – идеальный образец для изучения неявных социальных взаимодействий в научной среде. Междисциплинарный ракурс реконструкции процесса трансляции культурного капитала между поколениями (трансмиссия), во-первых, позволяет углубить понимание механизмов воспроизводства научных сообществ в определенных культурно-исторических и социальных условиях. Во-вторых, анализ межпоколенного взаимодействия/трансформации дает возможность взглянуть на научную династию в рамках социологии и антропологии профессий, уточняя особенности повседневности и жизненного мира ее представителей.

В центре нашего внимания – проблема трансляции и трансформации поведенческих характеристик представителей научных династий в России при их вхождении в науку на протяжении второй половины XX в. Целью работы является углубление представлений об обусловленности трансмиссии статуса и ценностных ориентаций индивидов

спецификой историко-культурного контекста и жизненного мира поколения, под которым понимается мир смыслов «особой временной общности» [Семенова, 2009: 29], обладающей «собственным смысловтворчеством, ценностными ориентациями, а значит и своеобразными правилами социокультурной активности» [Черномазова, 2022: 185].

Принимая методологию социологии и антропологии профессий, мы сосредоточим внимание на том пространстве смыслов, которое составляет профессиональную субкультуру научной среды [Романов, Ярская-Смирнова, 2005: 15]. Таким образом, «качественный» анализ информации, содержащейся в глубинных интервью, соотносится прежде всего с феноменологическим методом, ориентированным на познание уникальных явлений социальной жизни с точки зрения их осознания индивидами в контексте своего бытия. Солидаризируемся с тем, что «"общее" не является прерогативой большого числа историй, его следует искать также в частных случаях» [Берто, Берто-Вьям, 1992: 134].

Ключевыми в эпистемологическом отношении для нас выступают понятия «поколения» и «трансмиссии». Применительно к первому основным в нашем исследовании является социоисторический подход, наибольший вклад в развитие которого внес К. Мангейм, определив поколение, в том числе, как «участие в общей судьбе исторической и социальной общности». Данный взгляд позволяет связать социальных акторов с конкретным социокультурным контекстом, внутри которого оказалась возможна их деятельность. Как указывал ученый, у человека, начиная с 17 лет, происходит собственное экспериментирование с жизнью [Мангейм, 2000: 32–35]. Действительно, осознанный выбор профессионального пути («карьерный старт») примерно совпадает со временем специальной подготовки и поступления в вуз [Попова, 2021: 102]. Это и дает нам возможность выдвинуть положение, что процесс трансмиссии и поколенческая принадлежность могут быть взаимообусловлены.

Относительно самого понятия «трансмиссии» в исследовательской литературе предлагаются разные классификации. Так, выделяются вертикальная/горизонтальная, прямая/непрямая модели трансмиссии [Пищик, 2010: 159], а также трансмиссии по идентичности и по эквивалентности [Берто, Берто-Вьям, 1993: 65]. Очевидно, что в семье формируется определенный образ социального продвижения, обусловленный имеющимися в наличии разного рода капиталами (символический, социальный, культурный), а также ценностями и традициями, транслируемыми в последующие поколения. В социологии повседневности классическим является утверждение А. Шюца о том, что «лишь очень малая часть знания о мире рождается в личном опыте. Большая часть имеет социальное происхождение и передается друзьями, родителями, учителями, учителями учителей» [Шюц, 1988: 132]. В зависимости от этого можно говорить о специфике трансмиссии статуса и воспроизводства профессиональных династий.

Предложим рассматривать структуру модели трансмиссии статуса, состоящую из трех этапов и трех основных элементов. Среди этапов можно выделить: довузовский период, обучение в вузе, профессиональную деятельность. Основными элементами модели выступают: выбор вуза и профессии (самостоятельный или решение семьи), мотивация научной деятельности, идентификация с династией и стремление к ее продолжению.

В ходе реализации проекта различное сочетание рассмотренных элементов позволило выделить три модели трансмиссии статусных позиций в профессиональных династиях: 1) активная преемственность (принятие статуса как осознанной ценности и стремление к нему; самостоятельный выбор вуза и профессии, мотивация к научной деятельности и отношение к профессии как терминальной ценности, возможное приумножение статусного капитала); 2) пассивное сохранение статуса (последующие поколения принимают его как должное и вынужденное; выбор вуза и профессии рассматривается как решение семьи, мотивация вариабельна); 3) отказ/уход от продолжения профессиональной династии. Идентификация с династией и стремление к ее продолжению характерны для всех моделей трансмиссии.

И здесь немаловажна проблема мотива научной деятельности, под которым понимается «ценностная диспозиция, означающая предрасположенность к определенному восприятию условий деятельности и определенному поведению в этих условиях» [Васильева, 2011: 25]. Можно выделить такие мотивы, как исследовательский интерес, творческий и инновационный характер труда; профессиональный рост и карьера в науке, удобные условия труда, служение обществу; достойная оплата труда и регулярное финансовое стимулирование [Шматко, Волкова, 2017: 58]. В зависимости от ведущих мотивов можно говорить о понимании профессии ученого и научной деятельности как терминальной (смысл жизни через служение обществу) и/или инструментальной ценности (статус и материальное благополучие).

Однако научная/академическая среда, как правило, достаточно дифференцирована. Деятельность деда/отца/внука может принадлежать различным наукам. При этом имеет смысл говорить об одной династии, так как следование узкому критерию отнесения к ним, на наш взгляд, вряд ли будет оправданным. Вместе с тем очевидно, что судьбоносный выбор будущей профессии имеет множество оттенков. И в ряде случаев целесообразно и возможно усложнение моделей преемственности некоторыми разновидностями, в связи с указанным процессом трансформации ценностей.

Эвристическим потенциалом при изучении профессиональных династий обладает метод социальных генеалогий, где анализу подвергается семейный нарратив – «коллекция взаимосвязанных биографий членов семьи, которая собирается из устных, письменных и иных источников и складывается в единое полотно» [Ткач, 2007: 276]. В процессе интервью представитель династии рассказывает о себе, о жизни всех членов своей семьи, об их роли в жизни рассказчика и семьи в целом. В семейном нарративе происходит описание и интерпретации культурного и исторического контекстов, сопровождающих жизнь каждого поколения. Центральной фигурой генеалогии преимущественно становится представитель среднего поколения, в биографии которого пересекаются жизненные пути родственников по восходящей и нисходящей линии [там же: 276].

При разработке гайда использована методика биографическо-нарративного интервью З.Г. Розенталя (см: [Рождественская, 2012: 95–108]). Вначале рисовалось генеалогическое дерево династии. Потом заполнялась хронологическая таблица важных, по мнению респондента, этапов его жизни, в том числе в научной сфере. Основной автобиографический рассказ был направлен на получение ретроспективной информации об индивидуальных жизненных и профессиональных траекториях. Вопросы в фазе нарративных распросов были сгруппированы в несколько блоков. Первый включал уточняющие вопросы о ранней истории жизни и семье. Второй был связан с выбором образования и профессии, профессионального пути и роли семьи в профессиональном становлении и развитии. Вопросы третьего блока были посвящены оценке династийного воспроизводства, они рассматривают принадлежность информанта к династии и его вклад, продолжение династии. Реконструкция мотивации выбора профессии представителей предыдущих поколений (в том числе мобилизационного поколения) происходила из рассказа при построении генеалогического древа, нарративного повествования и уточняющих вопросов («Рассказывали ли вам ваши родители/бабушка/дедушка/, как происходил их выбор профессии? Почему они стали учеными?»).

Эмпирическую базу исследования составляют 20 автобиографических нарративных интервью представителей академических династий (март – июнь 2020 г.). Ввиду ограничений в связи с COVID-19 2/3 интервью проходили в онлайн-режиме и 1/3 интервью – в ситуации face-to-face. Территориальная локализация информантов – Москва, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Таганрог, Томск. Информанты по возрасту, примерно в равных долях, распределены по трем группам: 1) до 40 лет; 2) 41–59 лет; 3) старше 60 лет. Из них: 9 мужчин и 11 женщин. Критерием отбора династии выступало наличие не менее трех поколений, осуществляющих свою профессиональную деятельность в науке. В половине случаев это представители третьего поколения, около трети – второго поколения

и примерно по пятой доле – первого и четвертого¹; 9 докторов наук, 9 кандидатов наук и 2 без ученой степени. В статье анализируются 20 непосредственных историй и 46 опосредованных, когда респондент рассказывает о профессиональном пути представителей династии (1-е поколение – 18; 2-е поколение – 18; 3-е поколение – 7 историй). Отбор информантов – целевой. Рекрутирование семей осуществлялось вне зависимости от конкретной специализации. Однако можно выделить представителей естественных и технических, социально-гуманитарных и медицинских наук. Поиск информантов осуществлялся через личные контакты и социальные сети.

Характеристики трансмиссии профессионального статуса в разных поколениях.

Для характеристики послевоенного периода и всей второй половины XX в. получены сведения не только о самих респондентах, но и об их родителях/прадорителях. Это позволило сформулировать предварительные выводы относительно некоторых закономерностей прихода в профессию, трансформации самих моделей трансмиссии для разных поколений. Отталкиваемся при этом от схемы поколений XX в., разработанной отечественными социологами [Левада, 2005: 41–44; Радаев, 2018: 17–18]: 1) «мобилизационное поколение», родившееся до 1938 г., и взросление которого проходило в период 1941–1956; 2) «поколение оттепели», появившееся на свет в 1939–1946 гг. и входившее во взрослую жизнь в период 1956–1964; 3) «поколение застоя», которое родилось в 1947–1967 гг. и взрослело в период 1964–1984; 4) поколение X (реформенное), родившееся в 1968–1981 и взрослевшее в период 1985–1999; 5) поколение Y (миллениалов), родившееся в 1982–2000 и взрослевшее в период 1999–2016. Осознаваемая нами условность применения любой схемы позволяет вводить в классификацию «гибридные» поколения и гибридные же состояния трансмиссии, а также учитывать внутриспоколенческие различия.

Мобилизационное поколение. Анализ опыта вхождения в науку «мобилизационного поколения» (род. до 1938 г.) позволяет сказать, что для его представителей выбор профессии был, как правило, ценностно обусловлен. Люди шли в науку, поскольку, во-первых, сохранявшая свое значение классическая парадигма научного познания способствовала конструированию специфического дискурса, в котором фигура ученого несла в себе элемент «сакральности». Развитие образования в СССР в те десятилетия сделало возможным появление собственно советского высокопрофессионального ученого. Стоит добавить, что в 1946 г. происходит существенное повышение уровня заработной платы научных работников, что положительно сказывается на и без того высоком социальном статусе ученого [Еремеева, 2006: 119–120]. Во-вторых, наука стала одним из авторитетных инструментов помощи людям в трудные периоды (первые пятилетки, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление). Неслучайно формирование «народной технической интеллигенции» рассматривается как серьезный вклад в статус профессии. Наконец, этим было просто интересно заниматься. Иными словами, актуализировалась и терминальная ценность. В интервью, которые давали уже потомки тех людей, находим следующие примеры. *«Профессиональный путь бабушки – это очень великий путь, этим все должно быть сказано. Она уважаемый ученый, уважаемый учитель, педагог, преподаватель и наставник, потому что она очень увлечена этим, потому что увлечена наукой в принципе ... Это [наука] то, что она ставит выше небес в общем-то»* (к.с.н., м., 35 лет, о своей бабушке, д.ф.н, профессоре); *«...после войны. Она наложила на него такой отпечаток. Он хотел помогать людям. И ему это было интересно»* (к.м.н., ж., 35 лет, о своем дедушке – лор-враче); *«...в пятилетку химизации они приехали в Томск для развития химической науки»* (д.х.н., м., 42 года, о своих прабабушке (д.х.н., профессор) и прадедушке (д.техн.н., профессор, лауреат Госпремии СССР)); *«Она [мама] была заинтересована*

¹ О династии можно говорить, если не менее трех поколений занимаются профессиональной деятельностью в одной сфере занятости. В нашем исследовании анализируется опыт династий, насчитывающих до четырех поколений с учетом того, что были взяты интервью у представителей, в том числе, младшего (четвертого) поколения.

наукой, увлечена ею... ездила с рыбаками по дельте нашего Дона замечательного и там собирала всякие образцы, и дома ставила эксперименты... Она блестяще защитила диссертацию... (д.х.н., ж., 72 года, о своей маме к.геол.-мин.н., доценте).

Показателен случай, когда аспирантская стипендия будущего ученого-изобретателя оказалась предпочтительнее кабинета «из китайского красного дерева» (административно-инженерные должности). «Дедушку позвали директором электромеханического завода... Но он зашел к ректору РИИЖТ и тот позвал его к себе в аспирантуру... Никаких лекций, ничего найти было невозможно... Дедушка рассказывал, что ночами просто плакал, когда готовился к лекциям, был на грани нервного срыва. В плане финансов был тихий ужас... Но он выбрал этот путь – открытия, учеников... Изобретение, научный интерес, открытия и ученики – для него это было важно, это была цель жизни» (к.техн.н., доцент, м., 38 лет, о своем дедушке д.т.н., изобретателе электромагнитного тормоза для высокоскоростных рядов).

Интересно, что данный импульс сохранялся и в 1950–1960-е гг., когда на социальную арену выходит уже поколение «оттепели». Социально-политические трансформации советского режима после 1953 г. не могли не сказаться на умонастроении молодых людей, оптимистично смотревших в будущее. Послевоенное поколение было очень предано науке, и факторами такого успеха данной сферы служили колоссальные открытия в естественно-научной и технической областях, отсюда престиж ученых в обществе [Яковец, 2008: 229–230]. Доказательство тезису, что атмосфера «оттепели» способствовала определенной саморефлексии поколения, находим в иных проектах анализа автобиографических нарративов. Так, важен вывод, согласно которому именно образованные представители поколения «оттепели» сформировали дискурс эпохи 60-х как «особого» для них времени [Цветаева, 2015: 120].

Подтверждение некоторой романтизации профессии в ту эпоху находим в текстах интервью. «Жизнь была очень суровая, как и везде в деревне. Это выживание, не жизнь... ну, капитан – это белый китель, фуражка, нарядный, уфф, это фантастика... Да, хотелось быть капитаном, но Гранин победил... Вот, значит, физики, это лампочки мигают, белые халаты, люди в очках с бородами. Очень романтично...» (д.ф.-м.н., м., 71 год, заслуженный деятель науки). Неофициальная победа в споре между «физиками» и «клириками» в те годы способствовала формированию первыми специфической социальной среды, в которой ученому было комфортно и интересно находиться и работать. Впрочем, активную модель трансмиссии воспроизводили не только «физики». В собранных нарративах описание опыта второго поколения позволяет выделить фактор научной повседневности как неперенного условия трансляции научного опыта и передачи культурного капитала.

К примеру: «...когда мама писала диссертацию, я сидела на пятом экземпляре... Тогда же на машинке все печатали... Бабушка считывала первый экземпляр, или мама, а потом надо было везде исправлять. И вот меня сажали...» (д.х.н., ж., 72 года). Представляется, данный эпизод не случайно остался в памяти респондента. По-видимому, здесь можно говорить о так называемом эффекте Эрроу, где само (около)присутствие в детской жизни библиотеки и других научных артефактов как «объективированного капитала» способно оказывать обучающее воздействие и таким образом уже составляет терминальную ценность [Бурдые, 2002: 62–63]. С этим явлением мы неоднократно сталкиваемся в интервью.

Поколение «брежневского периода». Брежневский период наложил свой отпечаток на рассмотренные сюжеты в научной среде. Анализ данных показывает, что интервью представителей «поколения застоя» (род. в 1947–1967) (с небольшим захватом «поколения X», род. в 1968–1981) воспроизводят смыслы, характерные для пассивной модели трансмиссии статуса. В нарративной стадии интервью и потом при ответе на вопросы «Как происходил выбор вуза и специальности?», «Как происходил выбор вами профессии? Какие обстоятельства и какие люди на это повлияли?» все чаще встречаются подобные суждения: «...никакого осознанного выбора заниматься наукой у меня не было» (д.т.н., доцент, ж., 51 год). В некоторых случаях такая модель трансмиссии приводит

к трансмобильности с понижением статуса и прекращением династии: «...я не хотела идти никуда в институты. К моему окончанию школы у меня в каждом институте нашего города работали родственники... Потом педагогическая деятельность, как я от нее ни убегала – да, я как бы умышленно не хотела быть педагогом. А в итоге к этому пришла... и поняла, что я уже не хочу и никогда не хотела сильно. И вот теперь в музее работаю» (преподаватель химии, музейный работник, ж., 54 года).

Обратим внимание на характерное суждение: «Я и не претендовал, чтобы умным считаться. Ну а уже где-то с 8-го класса отец сказал: “Давай, готовься по истории”. Отец определил, но дальше уже надо было самому развиваться» (д.и.н., м., 70 лет). Отсылка к отцу как ключевому фактору профессионального выбора проблематизирует вариант активной преемственности. С другой стороны, несомненные будущие научные достижения самого информанта указывают, насколько сложен сам механизм трансмиссии.

Наши наблюдения в целом соотносятся с данными других социологических опросов, в которых фиксируется, что активность поколения родившихся в 1960–1970-е гг. «лишена целеполагания» [Семенова, 2005: 101]. Объяснить подобные настроения можно тем, что в позднесоветский период изменилась сама трудовая этика советского человека – «труд, который декларировался как главная ценность строек коммунизма, терял свое значение, поскольку он не приносил реального удовлетворения многим работникам» [Пищик, 2010: 81]. К этому стоит добавить: к началу 1980-х гг. число научных работников в СССР составляло почти 1,5 млн человек [Чураков, 2019: 173], что свидетельствует о массовости профессии. В этих социально-исторических условиях образ ученого теряет притягательность избранности.

И все же без обращения к индивидуализированному семейному опыту информантов вышеприведенное объяснение представлялось бы излишне упрощенным. Речь идет о том, что на представителях второго, третьего поколений династий уже определенным образом сказываются *внутренние закономерности* династийной социализации. Опыт родителей, с одной стороны, облегчал восхождение на профессиональном пути, с другой – лишал самого выбора профессии или заведомо ограничивал его вариативность. Характерны следующие признания: «...оба родителя были врачами, у них и других мыслей не было. Ну тогда, в советские годы, это подразумевалось. В основном все было династично» (к.м.н, ж., 35 лет, о маме, д.м.н., 65 лет); «Я думаю, что на мою маму повлияла бабушка сильно... Она пошла учиться на математика, у бабушки основная специальность – физик. А потом мама защищалась по философии. И в этом плане на нее повлияла бабушка» (к.с.н., доцент, м., 35 лет, о маме, д.с.н. 58 лет). Конечно, вряд ли здесь просматривается сознательное и целенаправленное конструирование династичности. Данные примеры скорее демонстрируют наиболее эффективные способы передачи социального капитала, которым обладают сами родители. Косвенным доказательством служит тот факт, что повседневность своего научного взросления представители поколения «застоя» описывают в лучших традициях профессорской культуры.

Поколение X и Y. Рассмотренное выше поколение, несмотря на элементы гибридности, в целом было ориентировано на более пассивное воспроизведение династичности. Распространенность всех трех моделей трансмиссии статуса в следующих поколениях, X и Y, делает оправданной совмещенную аналитику полученных данных.

Активная модель просматривается в следующих признаниях: «...у меня был выбор между двумя профессиями. Я мечтал быть сначала хирургом-кардиологом. А уже ближе к 9–10-му классу я определился, что буду инженером... Я не видел себя математиком, физиком, химиком, биологом, а инженером – всегда» (к.техн.н., доцент, м., 38 лет); «...у него [отца] была работа больше с оборудованием, была посвящена больше физиологии, чем медицине, и я начал чувствовать, что этим я тоже мог бы заниматься. И с класса седьмого я начал склоняться, что я буду поступать в медицинский институт» (д.м.н., хирург-трансплантолог, м., 43 года). Биографический нарратив обоих респондентов конструируется по заданной логике: с детства помещенные в профессиональную среду родителей/

родителя, они с неизбежностью в достаточно раннем возрасте делают свой выбор, сохраняя династийную направленность. Вариативность оказывается возможной лишь внутри избранной научной отрасли.

Не менее популярной оказывается и пассивная модель. Интересный случай представлен в следующем отрывке: *«Мне все время казалось, я был твердо уверен, что я точно не буду заниматься научной работой, потому что она мне не нравилась, не нравится и нравиться не будет. ... Но идя по пути наименьшего сопротивления, я попал на физический факультет. Там мне учиться нравилось. ... Я помню, что когда поступил, у меня была твердая уверенность, что я отучусь и точно больше не буду этим заниматься. Но всю свою жизнь я качусь с небольшими ответвлениями по дороге, которая как нарисована. Хочу я того или нет, я даже сворачиваю в сторону, а она меня все равно назад выводит. При этом оно неплохо получается, – катиться. Можно катиться плохо, а можно успешно»* (д.ф.м.н., м., 40 лет). При обсуждении данного случая возникают вопросы поиска внутренней мотивации, являющейся ресурсной для нашего респондента. В целом становится ясным, что пассивная модель трансмиссии статуса в научных династиях – норма в процессе воспроизводства профессии. Как уже было показано, это может быть обусловлено и внутренними закономерностями. Кроме того, следует учитывать тот факт, что сама специфика научного труда предполагает наличие определенных качеств от будущего ученого, где тип «фанатика», настроенного только на творческую реализацию, далеко не самый распространенный [Зубова, 1998: 47]. С другой стороны, очевидно, что профессиональная реализация и, как следствие, поддержание династийности возможны при условии внутреннего «присвоения» профессии самим актором. Возникает ощущение, что этого-то присвоения в описанном случае и не произошло. Подобные случаи не единичны (ср.: «... Сначала, я не могу сказать, что мне это нравилось, это было сопряжено с каким-то внутренним конфликтом... А потом, как ни странно, все-таки я вошла во вкус... И в науку я тоже пришла с интересом» (д.т.н., ж., 51 год)).

Наконец, встречается модель отказа/ухода – транспрофессиональная мобильность: *«Я не видел себя нигде... Не было четкого понимания, что я хочу, какие профессии мне интересны. Так что выбор был сделан по рекомендации родителей, это не был собственный выбор... Проработал в медицине на управленческих должностях... в феврале я открыл частную компанию... Я предприниматель в сфере здравоохранения»* (терапевт-онколог, предприниматель, м., 31 год; отец информанта – д.м.н., профессор). Очевидно, что здесь в ситуации осознания невозможности реализации в наследуемой профессии произошло «переориентирование» младшего поколения с достижения целей профессиональной преемственности к целям материального благополучия и надежным социальным лифтам [Мансуров и др., 2022: 157].

Интересно, что в интервью можно встретить и примеры обратной транспрофессиональной мобильности: *«Я не планировал становиться преподавателем, заниматься научной деятельностью. Но как-то со временем к этому пришел... Но проработав год в сфере торговли, я как бы решил, что мне этим заниматься не очень интересно. И все ж таки, наверное, целесообразней будет пойти по этой вот стезе, которая связана именно с преподавательской деятельностью, защитами, поступлением в аспирантуру ...»* (д.с.н., м., 42 года). Оба случая весьма характерны для соответствующего им социально-исторического контекста, который сформировался в последнее пятнадцатилетие XX в. Речь идет о так называемой разгерметизации отечественного научного сообщества, реализующейся, с одной стороны, через «миграцию» ученых в другие профессиональные области (политика, бизнес), с другой – в обратном процессе включения в научную/вузовскую среду при опосредованном использовании традиционных институтов научной профессионализации и социализации (см.: [Еремеева: 2006: 167–173]). Социально-политические трансформации этого периода негативно сказались на экономическом положении ученых. В результате уход из профессии объяснялся не только экзистенциальным выбором, но и более прагматическими причинами. С другой стороны, эта же разгерметизация сделала более реальной возможность прихода в профессию «со стороны». Хотя упомянем, что в последнем приведенном случае в дополнение к этому традиционно сработал и социальный

капитал семьи респондента: воспитание в высококультурной семье, привившей значимость знания, книги, далее – знакомства отца при поступлении в аспирантуру и т.д.

Можно наблюдать, как это поколение демонстрирует своего рода гибридность – смешение активной и пассивной моделей трансмиссии. На стадии выбора вуза и профессии – пассивная модель, но при этом высокая степень удовлетворенности от выбранной профессии, отсутствие разочарованности, вовлеченность в профессию и позиционирование себя как профессионала. «В школе я не очень хотела идти в медицинский, хотя папа на этом настаивал, я хотела пойти по его стопам в строительный. Но в итоге в 10-м классе я согласилась... Я не была разочарована, мне сразу все понравилось» (к.м.н., ж., 35 лет); «У меня уже интерес к науке больше только в университете появился, когда начали нравиться какие-то темы конкретные, которые проходили на лекциях, обсуждали на практических занятиях. И к третьему курсу у меня в голове оформились свои предпочтения в области какой-либо профессии и специальности. Но до этого, думаю, нет» (к.п.н., м., 30 лет).

Данный опыт базируется более на стратегиях личного достижения и успеха, реализации своей субъектности. Одновременно он показывает, что и в условиях неопределенности оказывается возможным частичный возврат к константным научным ценностям, как то: вкус к исследовательской работе, защита диссертации. Вполне возможно, что здесь реализуется тот самый механизм передачи образцов через поколение (дед – внук) [Дубин, 2002: 15], сближая рубежное «поколение X и Y» с поколением их прародителей.

Подтверждение нашим наблюдениям встречаем и в других социологических проектах. Молодые люди, входившие во взрослую жизнь с 1990-х гг. и далее, качественно отличались от своих родителей по ряду признаков: большая раскрепощенность, гедонизм, установка на личные достижения [Левада, 2005: 46–50; Семенова, 2005: 102–105]. Понимание трансмиссии как «способности ориентироваться в изменяющемся мире» [Черныш, 2013: 46] позволяет оценить специфику влияния на социальные процессы экономической и политической атмосферы перестроечной и постсоветской России, в которой происходило их взросление. Этим и можно объяснить практики ухода из семейной профессии, отказ от ригоризма в научной деятельности, с одной стороны, и в то же время личное экспериментирование, растущую увлеченность профессией наших информантов. Впрочем, тогдашняя атмосфера была способна повлиять не только на поколения X и Y. Респонденты приводят примеры актуализации профессионального опыта поколений в иных социальных и культурных условиях: «Ей хотелось изменить мир, и она считала, что это получится, потому что несмотря на все проблемы, которые обрушились на нашу страну в 90-е годы, это было время и надежд в том числе» (к.с.н., м., 35 лет, о маме, д.с.н., 58 лет).

Но очевидно и то, что в молодом поколении наблюдается интерес к науке как терминальной ценности. Подтверждение этому находим опять же в практиках научной повседневности, с неизменной стабильностью конструирующих профессиональный путь будущих ученых. Интервью содержат информацию, как запускаются механизмы вовлечения в профессию последующих поколений. Как правило, респонденты охотно рассказывали о семейных разговорах на профессиональные темы, о своих попытках участвовать в этих беседах: «Помню, что [разговоры о науке, о преподавании] – это был постоянный фон в жизни. Всегда. Постоянные обсуждения каких-то диссертаций, каких-то студентов, аспирантов, преподавателей, профессоров, доцентов... В общем, вокруг вот этой вот профессиональной деятельности» (к.с.н., м., 35 лет).

Описывался трудовой быт родителей, которому они были свидетелями: «Я все время помню, я просыпаюсь, почему-то темно в комнате, и папа работает в этой комнате, я вижу его спину, под настольной лампой. И я вылезаю из этой люльки... и кругом книги, книги, книги...» (к.ф.н., ж., 52 года). «Когда я приходила к маме на работу, и большую аудиторию занимал так называемый кабинет истории... я там смотрела газеты... А рядом была библиотека... Вот сейчас я рассказываю и думаю, что, наверное, это все у меня впечатление и создавало какое-то тоже детское: образ знакомства с книгами, не знаю там, это все, обстановка, библиотека, учение» (к.и.н., ж., 46 лет). Характерно, что эти образные зарисовки созданы как будто по принципу гештальта, где отдельные элементы функционально связаны. К примеру, возле трудившегося

отца, как правило, должны быть книги, а описание библиотечной обстановки отсылает к учебной повседневности. Обязательным сюжетом, собственно, и был рассказ о роли книг («объективированный капитал», по П. Бурдьё) и чтения в их образовании, постижении жизни в целом: «Читал очень много книжек. Отец с матерью все время покупали книжки, тратили на них большие деньги. В результате сейчас квартира вся в книгах» (д.с.н., м., 42 года).

Ориентация на интересы семьи и чувство долга перед ней пронизывают биографии представителей всех моделей трансмиссии статуса. Идентификация себя как члена династии присутствуют практически у всех информантов. И кардинальных отличий у представителей активной и пассивной моделей не наблюдается, за исключением случаев прекращения династии. Ответы на вопрос «Можете ли вы сказать, что вы принадлежите к профессиональной династии?» во всех случаях фиксируют чувство принадлежности, но с разной степенью эмоциональной окрашенности. Однако представители модели ухода, а в данных случаях – трансмобильности по-разному артикулируют свою связь с династией. Или продолжают осознавать ее: «В принципе, наверно, есть династия» (терапевт-онколог, предприниматель, м., 31 год (отец информанта – д.м.н., профессор)), или настаивают на разрыве: «...Династии – ведь они тяжело отпускают, особенно если она такая мощная. Тяжело из нее вылезти. Тебе всегда говорят “а вот если бы пошел туда? было бы все хорошо” ...нет (не принадлежу)...» (преподаватель химии, музейный работник, ж., 54 года).

Заметим также, что во всех интервью при рассказе о принадлежности к династии поднимается вопрос об ответственности перед семьей и соответствии семейной репутации: «Да, я могу это сказать. Я должна соответствовать... Я считаю, что я не подвела свою династию, память отца... Хотелось бы соответствовать мне тому уровню, который был достигнут моими предками... Не превысить как бы их... У меня не было никогда цели стать лучше их, но хотя бы не опозориться, ...и быть просто хорошим профессионалом» (к.и.н., ж., 46 лет); «Я не делаю ничего порочащего. Понимаете, моего дедушку, его фамилию знали во всей системе Министерства путей сообщения» (к.т.н., доцент, м., 38 лет).

Очевидно, что профессиональный статус нельзя передать прямым путем, но можно создать условия, чтобы осуществилась профессиональная преемственность между поколениями. Для их реконструкции в гайд интервью включен вопрос: «Хотели бы вы, чтобы ваши дети и/или внуки продолжили династию?» Выяснилось, что все информанты были бы не против, отметив, что заставлять никого не будут: «Там видно будет. Но это должен быть самостоятельный выбор» (д.и.н., профессор, 70 лет). Все говорят о том, что готовы помогать своим детям/внукам: «Я скажу: “Отлично, хорошо, я тебе помогу во всем”. Но буду рад только тогда, когда пойму, что она себя в этой медицине нашла, занимается любимым делом, у нее все получается» (д.м.н., профессор, м., 43 года); «Я не хотел бы, чтобы это было через силу. ...А если я увижу, что они захотят [мою профессию], мне будет проще им помочь, без проблем» (д.ф.н., профессор, зав. лаб., 71 год).

Можно отметить и сохраняющийся потенциал династийных ценностей. Даже у представителей модели ухода из династии, в ситуации трансмобильности, обнаруживается желание продолжить династию вкупе с сожалением, что в настоящий момент династия прервана. Характерно такое признание: «Я думаю, у дочери бы моей получилось, но ей не повезло с педагогом. У нее бы вышло все хорошо. Ее все-таки учила тетя моя... У нее бы получилось, я точно знаю. И я бы гордилась ею, я точно знаю... Но вообще это хорошая история, вы знаете, ну, лирическая – про династии. Это хорошо, когда семья, когда все одним делом горят, ну, утопия это, наверное, какая-то, ну это хорошо» (преподаватель химии, музейный работник, ж., 54 года). Показательно, что на протяжении всего интервью наблюдалось отстранение от династийности. И при этом надежды информанта возлагаются на будущие поколения.

Таким образом, можно говорить, что в ситуации «объективного» истощения количества научных династий в постсоветской России [Леденева, 2005] остается их потенциал в виде ценностей, в том числе репутационных, сохраняющих свою актуальность и зачастую разделяемых даже теми, кто покинул пространство династийности.

Заключение. Сформировавшаяся во второй половине XIX в. профессорская культура установила канон научной повседневности, практик передачи знаний, опыта в семьях ученых. В XX в., с одной стороны, соблюдаются практики сохранения научных традиций в виде конструирования коллективной памяти, применения отработанных образовательных стратегий. С другой – классическая династийность трансформируется перед вызовами времени и реализуется через диалектическое отрицание ценностного опыта предшествующего поколения. Согласимся с Б.В. Дубиным, отметившим в России XX в. «возвратно-негативный тип связи между “старшими” и “младшими”» поколениями [Дубин, 2002: 14]. Так, активная преемственность послевоенного и «оттепельного» поколений, вызванная реформенным духом 1950–1960-х гг. и значительными научно-техническими прорывами, в брежневский период сменяется более пассивной моделью профессионального наследования и восприятия своей династийной принадлежности (поколение «застоя»). Причиной этого может быть переход к консервативной модели экономического и политического развития, негативно сказавшийся на трудовой этике советского народа. К тому же меняется сам образ ученого. С другой стороны, следует учитывать и внутренние закономерности воспроизводства профессии (переход от первого ко второму поколению). Добавим, что для первых поколений из числа анализируемых приход в профессию был связан с отношением к науке как терминальной ценности, в то время как последующие поколения могли демонстрировать вариации терминального и инструментального понимания профессии. Полный набор моделей трансмиссии профессионального статуса демонстрирует опыт реформенного и постреформенного (X и Y) поколений: активная, пассивная модели и транспрофессиональная мобильность, свидетельствующая о «разгерметизации» научного сообщества. В условиях трансформации экономической, политической и социальной структур в России 1990-х гг. оказались возможными гибридные модели трансмиссии: частичный возврат к константным научным ценностям, при этом базирующийся более на стратегиях личного достижения и успеха, реализации своей субъектности. Но и сегодня идентификация с династией, чувство гордости за принадлежность к ней и понимание высокого уровня ответственности перед семьей – обязательны для дальнейшего воспроизводства династий, независимо от модели трансмиссии статуса. «Династии не отпускают» и постоянно стремятся к воспроизводству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берто Д., Берто-Вьям И. Семейное владение и семья: преемственность и социальная мобильность, прослеживаемые на пяти поколениях // Социологические исследования. 1992. № 12. С. 132–140; 1993. № 2. С. 58–67.
- Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60–74.
- Васильева Е.В. Мотивация научной деятельности ученых Дальнего Востока в условиях вторичной институционализации отечественной науки // Социология науки и технологий. 2011. Т. 2. № 1. С. 25–47.
- Дубин Б.В. Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2. С. 11–15.
- Еремеева А.Н. Российские ученые в условиях социально-политических трансформаций XX века. Курс лекций. СПб.: Нестор, 2006.
- Зубова Л.Г. Мотивация научного труда: результаты типологического анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. № 2. С. 47–53.
- Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: НЛО, 2005. С. 39–60.
- Леденева Л. Уходящая династия? // Информационный выпуск Пресс-службы РАН (26 августа – 2 сентября 2005 г.) URL: https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?_language=ru&id=88541eda-80cd-4eef-88dd-c2556a327200 (дата обращения: 10.02.2024).
- Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции. М.: ИНИОН, 2000.
- Мансуров В.А., Иванова Е.Ю. и др. Профессиональные династии как социальный ресурс и социально-культурный капитал: направления исследования // Россия реформирующаяся: ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 20. М.: Новый Хронограф, 2022. С. 149–175.

- Пищик В.И. Ментальность поколений: психологические исследования. Ростов н/Д: РО ИПК и ПРО, 2010.
- Попова И.П. Формирование карьерного старта в науке: влияние семьи и социального контекста // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 101–112. DOI: 10.31857/5013216250017245-2.
- Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/50132162518030029.
- Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: ВШЭ, 2012.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Антропологические исследования профессий // Антропология профессий: Сб. науч. тр. Саратов: Научная книга, 2005. С. 13–50.
- Семенова В.В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: НЛО, 2005. С. 80–108.
- Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблемы и перспективы. М.: РОССПЭН, 2009.
- Ткач О. Изучение истории семьи как стратегия качественного исследования // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: ЕУСПб, 2007. С. 265–288.
- Цветаева Н.Н. Память о советском прошлом в автобиографических нарративах (опыт интерпретации материалов биографического фонда) // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? СПб.: Эйдос, 2015. С. 118–125.
- Черномазова Ю.А. Поколение как жизненный мир: традиция феноменологических исследований генеративной проблематики // Kant. 2022. № 1 (42). С. 181–185.
- Черныш М.Ф. Трансмиссия культурного капитала и социальная мобильность // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 42–53.
- Чураков Д.О. Советское общество 1970-х гг.: направления и тенденции развития: курс лекций. М.; Б.: Директ-Медиа, 2019.
- Шматко Н.А., Волкова Г.Л. Служба или служение? Мотивационные паттерны российских ученых // Форсайт. 2017. Т. 11. № 2. С. 54–66.
- Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.
- Яковец Ю.В. Послевоенное поколение. Научно-мемуарные очерки. М.: ИЭС, 2008.

Статья поступила: 22.06.23. Финальная версия: 23.05.24. Принята: 08.10.24.

“I DEFINITELY WOULD NOT BE DOING SCIENCE...”, OR FEATURES OF THE STATUS TRANSMISSION IN SCIENTIFIC DYNASTIES IN RUSSIA

ISAEV D.P.*, POSUKHOVA O. Yu.*

*Southern Federal University, Russia

Dmitry P. ISAEV, Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian Medieval and Modern history, Institute of History and International relations (disaew@mail.ru); Oxana Yu. POSUKHOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Department of Regional Studies and Eurasian Studies, Institute of Sociology and Regional Studies (belloks@yandex.ru). Both – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Abstract. The article discusses the problem of value orientations in scientific dynasties of Russia in the 20th century. An interdisciplinary historical, sociological and anthropological perspective focused on a socio-historical approach was applied to the study of intergenerational interaction. Evolved on the developed classification of transmission status models in professional dynasties, the authors sought to identify the features and patterns of the choice of certain types of succession by members of the dynasties during a specified period. The following observations were made with the help of sociological data. Hence, according to the study, the reform spirit of the 1950s – 1960s corresponds to the model of active succession. The transition to a conservative model of political and economic development of the country in the Brezhnev period, and the evolution of the image of a scientist as a mass researcher lead to the spread of a passive model of professional inheritance. However, the internal patterns of mastering professional practices in academic families should be also accounted. Moreover, in the context of socio-political and economic transformations in Russia in the 1990s, subsequent generations “X” and “Y” demonstrate a full set of models for the professional status transmission, such as transprofessional mobility, active and passive models. Under conditions of “depressurization” of the scientific community, hybrid transmission models, characterized by a partial return to basic scientific values, enriched by the actualization of subjective life experience, turned out to be possible.

Keywords: generation, generational research, scientific dynasty, professional dynasty, status transmission, scientific everyday life, social capital, succession.

REFERENCES

- Bertaux D. Bertaux-Wiame I. (1992; 1993) Family ownership and the family: continuity and social mobility, traced across five generations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 132–140; No. 2: 58–67. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2020) Forms of capital. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic Sociology]. No. 5: 60–74. (In Russ.)
- Chernomazova Yu.A. (2022) Generation is a life world: the tradition of phenomenological research in generative problems. *Kant*. No. 1 (42): 181–185. (In Russ.)
- Chernysh, M.F. (2013) Cultural capital transmission and social mobility. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 42–53. (In Russ.)
- Churakov D.O. (2019) *Soviet Society of the 1970s: trends and trends of development: a course of lectures*. Moscow; Berlin: Direkt-Media. (In Russ.)
- Cvetaeva N.N. (2015) The Memory of the Soviet Past in Autobiographical Narratives (experience in interpreting the materials of the Biographical fund). In: *Our past: nostalgic memories or a threat to the future?* St. Petersburg: Ejdos: 118–125. (In Russ.)
- Dubin B.V. (2002) Generation: sociological boundaries of the concept. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnie peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 11–15. (In Russ.)
- Eremeeva A.N. (2006) *Russian scientists in the conditions of socio-political transformations of the XX century*. Course of lectures. St. Petersburg: Nestor. (In Russ.)
- Ledeneva L. (2005) Outgoing dynasty? *Information release of the Press Service of RAS* (August 26 – September 2, 2005) [Online]. URL: https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?_language=ru&id=88541eda-80cd-4eef-88dd-c2556a327200 (accessed 10.02.2024). (In Russ.)
- Levada Yu.A. (2005) Generations of the XX century: research opportunities. In: *Fathers and Children: a Generational Analysis of Modern Russia*. Moscow: NLO: 39–60. (In Russ.)
- Mannheim K. (2000) *Essays in the Sociology of Knowledge: The Problem of Generations – Competitiveness – Economic Ambition*. Moscow: INION. (In Russ.)
- Mansurov V.A., Ivanova E. Yu. et al. (2022) Professional dynasties as a social resource and socio-cultural capital: areas of research. In: *Reforming Russia: Yearbook*. Vol. 20. Moscow: Novyj Hronograf: 149–175. DOI: 10.19181/ezheg.2022.6. (In Russ.)
- Pishchik V.I. (2010) *Generational mentality: psychological research*. Rostov-on-Don: RO IPK i PRO. (In Russ.)
- Popova I.P. (2021) Formation a career start in science: influence of family and social context. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 12: 101–112. DOI: 10.31857/S013216250017245-2. (In Russ.)
- Radaev V.V. Millennials compared to previous generations: an empirical analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 3: 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029. (In Russ.)
- Romanov P.V., Iarskaya-Smirnova E.R. (2005) Anthropological studies of professions. In: *Anthropology of professions*. Saratov: Nauchnaya kniga: 13–50. (In Russ.)
- Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012) *The Biographical method in Sociology*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Schutz A. (1988) The structure of everyday thinking. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 2: 129–137. (In Russ.)
- Semenova V.V. (2005) Modern concepts and empirical approaches to the concept of “generation” in sociology. In: *Fathers and Children: a Generational Analysis of Modern Russia*. Moscow: NLO: 80–108. (In Russ.)
- Semenova V.V. (2009) *Social dynamics of generations: problem and reality*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Shmatko N.A., Volkova G.L. (2017) Service or Devotion? Motivation Patterns of Russian Researchers. *Forsait* [Foresight]. Vol. 11. No. 2: 54–66. (In Russ.)
- Tkatch O. (2007) The study of family history as a strategy for qualitative research. In: *The Russian gender order: a sociological approach*. St. Petersburg: EUSPb. (In Russ.)
- Vasil'eva E.V. (2011) Far Eastern Scientists' Motivation for Research Work under Reinstitutionalization of National Science. *Sociologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. Vol. 2. No. 1: 25–47. (In Russ.)
- Yakovlev Yu.V. (2008) *The post-war generation. Scientific memoir essays*. Moscow: IES. (In Russ.)
- Zubova L.G. (1998) Motivation of scientific work: results of typology analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnie peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 47–53. (In Russ.)